

УДК 398.221(=512.1)
DOI 10.25587/w2613-7333-3808-t

Ш. Н. Мамедова
Институт фольклора НАНА, Баку, Азербайджан

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ «КОРКЫТ-АТА» И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В «КИТАБИ-ДЕДЕ КОРКУД»

Аннотация. Величественный памятник тюркских народов «Китаби-Деде Коркуд» более двухсот лет исследуется учеными с разных точек зрения. В казахских источниках «Деде Коркут» встречается не только в указанной форме, но и в виде «Хорхут», «Коркыт» или «Коркыт Ата». Истоками «Коркут Ата» являются мифологические предания, легенды, сказания о «Хорхуте», «Коркыт Ате», распространившиеся от Южной Сибири, Сырдарьи вплоть до восточных берегов Каспийского моря, когда кипчаки и огузы, разбросанные по Туркестану и постепенно отколовшиеся от кипчаков огузские племена, будучи неоднородными, стали перемещаться в сторону Южного и Северного Кавказа и жили оседлой жизнью на обширных территориях. Огузы создали здесь своё государство, воины которого защищали его от набегов иноземных захватчиков. Для защиты страны, безусловно, необходим был признанный мудрый наставник, определяющий сущностные ориентиры жизни и деятельности этноса. Таковым был дальновидный мудрец Деде Коркуд. Именно его именем нарекли оригинальный и непревзойдённый памятник «Китаби-Деде Коркуд», дошедший до нас в двенадцати песнях, объединённых под единым структурно-композиционным и идейно-художественным воплощением. Памятник потому и называется «Книгой моего Деда Коркуда», что она как настоящая книга средневековой мудрости достаточно совершенна и отточена как по форме (архитектонике), так и по содержанию. Несмотря на то, что между «Коркыт Ата» и «Китаби-Деде Коркуд» имеются естественные архетипические связи, тем не менее «Книга...» во многих отношениях отличается от сказания «Коркут Ата». Это касается не только ареала распространения, но и других ключевых моментов, нашедших место в тексте эпоса. На наш взгляд, несмотря на некоторую общность и сходство черт, «Коркут Ата» в жанрово-художественном отношении не воплотил все константы, релевантные для жанра эпоса, хотя отдельные элементы его там все же просматриваются. Основной целью данного исследования является изучение общих и отличительных особенностей Туркестанского «Коркут Ата» от Азербайджанского «Китаби-Деде Коркуд». Материалом исследования служат мифологические предания, легенды и сказания о «Коркут Ате» и песни «Китаби-Деде Коркуд» в азербайджанском осмыслении и трактовке. Предметом исследования являются не только образцы эпоса в казахском устном народном творчестве, сказительском искусстве, но и отдельные проблемы огузского эпоса «Китаби-Деде Коркуд». Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют как общие положения диалектики мифа, так и научно-теоретические взгляды известных азербайджанских, казахских, русских и других фольклористов, эпосоведов относительно проблем, связанных с научным осмыслением изучаемого материала. Научная новизна исследования работы состоит в том, что в ней делается попытка квалифицировать мифологические предания, легенды и сказания о «Коркут Ате» и огузский эпос «Китаби-Деде Коркуд» сравнительно-типологическом аспекте. В данном случае специально не останавливаемся над имеющимися дрезденским и ватиканским вариантами. Для нас необходимым является представить кипчацкий ландшафт «Коркут Ата» в сравнении с огузским «Китаби-Деде Коркуд». В исследовании, где это необходимо, использованы подходы установления сравнительно-сопоставительных, мифолого-исторических, сюжетно-фабульных соответствий.

Ключевые слова: «Коркут Ата», «Китаби-Деде Коркуд», мифологические предания, легенды, сказания, эпос, кипчаки, огузы, художественное мышление, дастаны, объединённые единой идеей, пространственно-временная сущность, структурно-семантическая трактовка, аргументированная картина, эпохальное сочинение.

МАМЕДОВА Шабнам Низами кызы – доктор философии по филологии, старший научный сотрудник отдела фольклора и письменной литературы Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.

E-mail: shebnem.memmedova1981@mail.ru

MAMEDOVA Shebnem Nizami kyzi – PhD in Philology, senior researcher, Department of the Institute of Folklore, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

E-mail: shebnem.memmedova1981@mail.ru

S. N. Mammadova

Folklore and mythological origin of “Korkyt Ata” and its transformation into “Kitabi-Dede Korkud”

Abstract. The majestic monument of the Turkic peoples “Kitabi-Dede Korkud” has been studied by scholars from different points of view for more than two hundred years. In Kazakh sources, “Dede Korkut” is found not only in this form, but also in the form of “Khorkhut”, “Korkyt” or “Korkyt Ata”. The origins of “Korkyt Ata” are mythological legends, legends, tales about “Khorkhut”, “Korkyt Ata”, which spread from Southern Siberia, the Syr Darya up to the eastern shores of the Caspian Sea, when the Kipchaks and Oguzes, scattered across Turkestan and gradually split off from the Kipchaks, the Oguz tribes, being heterogeneous, began to move into the Southern and Northern Caucasus and lived a settled life in vast territories. The Oghuz created their own state there, whose soldiers protected it from the raids of foreign invaders. To protect the country, of course, a recognized wise mentor was needed, determining the essential guidelines of the life and activity of the ethnic group. Such was the visionary sage Dede Korkud. It was his name that the original and unsurpassed monument “Kitabi-Dede Korkud” was named, which has come down to us in twelve songs, united under a single structural-compositional and ideological-artistic embodiment. The monument is therefore called “The Book of my Grandfather Korkud” because it, like a real book of medieval wisdom, is quite perfect and refined both in form (architectonics) and in content. Despite the fact that there are natural archetypal connections between “Korkyt Ata” and “Kitabi-Dede Korkud”, nevertheless, “The Book ...” differs in many respects from the legend “Korkyt Ata”. This applies not only to the area of distribution, but also to other key points that have found a place in the text of the epic. In our opinion, despite some commonality and similarities, “Korkyt Ata” in genre-artistic terms did not embody all the constants relevant to the epic genre, although some elements of it are still visible there. The main purpose of this study is to study the common and distinctive features of the Turkestan “Korkyt Ata” from the Azerbaijani “Kitabi-Dede Korkud”. The material of the research is mythological legends, legends and tales about “Korkyt Ata” and the songs “Kitabi-Dede Korkud” in Azerbaijani interpretation and interpretation. The subject of the study is not only samples of the epic in Kazakh oral folk art, storytelling, but also some problems of the Oguz epic “Kitabi-Dede Korkud”. The theoretical and methodological basis of our research is made up of both general provisions of the dialectic of myth and scientific and theoretical views of famous Azerbaijani, Kazakh, Russian and other folklorists, epicologists, regarding the problems associated with the scientific understanding of the studied material. The scholarly novelty of the study in the paper consists in the fact that it attempts to qualify mythological legends, legends and tales about “Korkyt Ata” and the Oguz “Kitabi-Dede Korkud” in a comparative typological aspect. In this case, we do not specifically dwell on the available Dresden and Vatican versions. It is necessary for us to present the Kipchak landscape “Korkyt Ata” in comparison with the Oguz “Kitabi-Dede Korkud”. In the study, where necessary, approaches were used to establish comparative, mythological-historical, plot-plot correspondences.

Keywords: “Korkyt Ata”, “Kitabi-Dede Korkud”, mythological legends, legends, narratives, epic, Kipchaks, Oguzes, artistic thinking, dastans united by a single idea, spatial-temporal essence, structural-semantic interpretation, reasoned picture, epochal composition

Введение

Известный во всем мире величественный эпический памятник под названием «Хорхут», «Коркыт», «Коркут» или «Коркыт-Ата», «Деде Коркуд», «Китаби-Деде Коркуд» является достоянием тюркских народов. Истоками памятника, следует признать, являются мифологические сказания о «Хорхуте», «Коркыт-Ате» или «Деде Коркут». Ещё во времена Тюркского каганата племена, участвовавшие в этногенезе современных тюркских народов, жили в тесном контакте друг с другом, занимая обширные территории от Сибири до Каспийского моря. В эпоху расцвета Тюркского каганата огузские племена вместе с другими близкими племенами продвинулись из Южной Сибири на Запад, в район нижнего и среднего течения Сырдарьи и в местность между Эмбой и Яиком [1, 2].

По мнению историков, огузы были разбросаны по Иргизу, Уралу, Эмбе, Уилу, по правобережью озера Аралсар, а на востоке отдельные группы огузов достигали южного берега озера Балхаш, где им принадлежала крепость Горгуз. Огузы населяли также Приаралье, долину Сырдарьи, предгорья Каратау, а также Чуйскую долину. Вместе с тем они не составляли определявшего большинства населения [3, 4]. В состав огузов вошёл древний (историзованный) этнический

компонент долины Сырдарьи и арало-каспийских степей, так и полукочевые роды и племена Семиречья и Сибири. Следует подчеркнуть, что первоначальное ядро огузской группировки сформировалось в Семиречье, т. е. на территории Туркестана. В то же время в процессе своего движения на запад оно значительно пополнялось за счёт кочевого и полуоседлого населения Южного и Западного Казахстана. Такова, в частности, точка зрения авторов «Истории Казахской ССР» [3] и автора материала «Корни общие и древние. Проблемы фольклорных связей». «Деде Коркут»... [5].

По сложившимся легендам, Коркут Ата – создатель кобыза, сказитель, музыкант, композитор, живший в VIII-IX вв. на берегу Сырдарьи. Легенды доносят до нас сведения о том, что развалины памятника по сей день находятся в Кызылординской области. Там у разъезда Коркыт стоял древний мазар с куполом. Местные жители считали его захоронением Коркыта, сакральным, священным местом. Долгое время на могиле постоянно горел огонь. Разливы Сырдарьи подмыли фундамент памятника, и со стороны реки часть земли обрушилась ещё в 1953 г. [6].

Сказания «Китаби-Деде Коркуд» (полное название Дрезденской рукописи «Китаби-Дедем Коркуд ала лисани таифеи огузан» (т. е. «Книга моего деда Коркуда на языке племени огузов»)) – единственный сохранившийся памятник книжного эпоса тюрков-огузов. Именно поэтому этот памятник представлял и по сей день представляет большую ценность для тюркологов, исследующих проблемы данного эпоса и отдельных его типологических параметров.

Краткий экскурс в историю происхождения «Коркут Ата» и «Китаби-Деде Коркуд»

Как сообщают источники, огузские племена (в частности токузгузы, узы, гузы) жили в низовьях Сырдарьи и вокруг Аральского моря, постепенно перемещаясь из Южной Сибири до берегов Каспийского моря. По справедливому замечанию проф. Х. Короглы, они не были однородными ни по составу, ни по языку [1].

Эпос «Китаби-Деде Коркуд» как широко известный памятник древнетюркской литературы ученые иногда называют «Книгой предков». Он рассказывает об истории культуры, жизни, быта, обычаях и традициях древних тюрков. Опираясь на соответствующие источники, можно сказать, что его сочиняли не только огузы, но и кыпчаки, карлуки и другие племена. Это величественное сочинение, перемещаясь из десятилетия в десятилетия, из века в век, передаваясь из уст в уста, контаминируясь, обрастая новыми деталями, расширялось и обогащалось. В результате книга стала общим тюркским культурным и духовным достоянием, дойдя до современных тюркских этносов и народов как величайший памятник истории, этнографии, этногенеза, культуры, фольклора, духовности, нравственности, литературы, не утратив своих достоинств на протяжении многих столетий. Коркуд отличался большими способностями. По сведениям, дошедшим до нас из глубины веков и по историческим документам он был не только легендарным тюркским поэтом-песенником и композитором далёких времён, озаном (или узаном), ашугом, акыном, жырау, жырыш, жирши, сказителем, но и покровителем поэтов и музыкантов, мудрецом, к слову которого прислушивались тюркские беки и ханы.

Предания о Коркуде встречаются почти у всех тюркских народов кыпчакской и огузской ветвей: азербайджанцев, анатолийских тюрков, гагаузов, туркмен, казахов, каракалпаков, татар, башкир, кумыков, карачаевцев, балкарцев (т. е. малкар-таулы), ногайцев и др. Однако нам неизвестно имеются ли какие-либо мифологические предания, легенды, распространённые среди караимов, якутов-саха, тывинцев, хакасов, уйгуров и др.

Следует заметить, что в то время, когда Коркуд со своим кочевьем жил на территории современного Казахстана и Каракалпакстана в низовьях Сырдарьи и большие объединения тюрков-огузов, кыпчаков и карлуков по течению доходили до города Жаннета, который тогда был столицей государства огузов [7].

У казахов имеется древняя поговорка «Вода (течение) кончается там, где Коркыт». Как явствует из изложенного, предания о Коркуте, имеющиеся в глубокой древности среди тюркских племён, впоследствии разрастались до эпических сказаний и у азербайджанских и анатолийских тюрков, туркмен и др. дошли до двенадцати песен. В настоящее время учёные говорят о том, что найден 13-ый бой (т. е. песня) «Китаби-Деде Коркуд». Однако эта информация не подтверждается в полной мере и не принимается всеми исследователями «Книги...».

«Коркут Ата» как ценнейший памятник тюркских народов, вне всякого сомнения, заслуживает более детального и обстоятельного изучения. Однако мы намерены исследовать названный образец именно в том плане, в каком он бытует среди азербайджанцев и казахов.

Как полагает крупный казахский фольклорист С. Каскабасов, наличествующие у казахов сюжеты отдельных героических песен доходят до XI в., в степях имелись сказания ещё более ранней датировки происхождения, сам образ Коркута, так и сказания о нём, которые в семантическом отношении очень архаичны и представляют собой, вероятно, трансформированные образцы древних жанров повествовательного фольклора, родов и племён, населявших в древности эту зону [5].

По мнению С. Каскабасова, «Мигрировавшие на запад огузские племена унесли с собой сказания о Коркуте и в соответствии с социально-культурными задачами своего общества превратили их в эпические произведения, а образ Коркута переосмыслили. Что касается древнего сюжета о борьбе шамана (Коркута) со смертью, то в процессе интенсивного развития общества и культуры огузов он был забыт, но воспоминание о нём в фольклорной традиции сохранилось» [5, с. 36-37].

При ознакомлении с казахскими сказаниями о Коркуте становится очевидно, что они разрабатывают всемирно известный и особенно популярный на Востоке сюжет – ищущего бессмертия человека. Из казахских сказаний явствует, что легендарный Коркут как бы ни избегал смерти, его ждала вырытая могила... Опечаленный тем, что человек смертен, он мастерил из дуба кобыз, печальная мелодия которого с тех пор плыла над безбрежными степями и высокими горами. По казахским сказаниям известно и то, что из древнего мавзолея-кумбеа, места захоронения Коркута, всегда была слышна музыка, исполняемая на кобызе, а кобыз впоследствии стал непременным атрибутом музыкального искусства многих тюркских народов.

В то же время должны заметить и то, что в казахском фольклоре, в частности в преданиях и легендах, повествуется о необычайном, не укладывающемся в законы природы появлении Коркута на свет. Говорится о том, что перед рождением ребёнка будущая мать томится желанием отведать мяса кулана. Ежегодно в течении трёх лет у неё бывали схватки, и женщина носила сына три года и девять дней. Когда наступило время ребёнку появиться на свет, поднялся ураган, сопровождаемый молниями. Вокруг стало темно. Ребёнок, родившись, тут же заговорил, чем напугал собравшихся [8].

Казахские сказания о Коркуте представляют собой развивающуюся форму, так как в них можно обнаружить признаки, характерные для сказки. Это особенно ярко просматривается в связи с историей рождения Коркута. В книге А. Жубанова «Струны столетий» читаем: «Когда Коркут родился, окружающие его мать увидели не младенца, а какой-то бесформенный «мешок» по своим очертаниям не похожий на человека. Все испугались и, оставив бедную мать, бросились вон из кибитки. Мать, сердцем чувствуя, что она родила человека, а не какое-то чудовище, взяла в руки безмолвный «мешок» и сдернула оболочку... Появился маленький человек, который издавал слабые звуки. Она начала его кормить, и ребёнок заплакал. Только тогда в юрту стали возвращаться не на шутку перепуганные люди, которые и попросили дать ребёнку имя «Коркут», что значит «испуг» [9, с. 210].

По сообщениям из других источников, при рождении Коркута земля трое суток подряд была покрыта мраком. Всюду были продолжительные ливни и бури. Река Сырдарья, где появился на свет Коркут, и горы Каратау были не видны, людям было невероятно страшно. Исходя из этого его назвали «Коркут», т. е. «страх» [10, с. 147]. А в некоторых легендах рассказывается о том, что Коркут рождается от дочери пери, иногда от дива, вышедшего из могилы, или от лебедя [10, с. 148].

Как мы убеждаемся, рождение Коркута в совсем непривычных обстоятельствах и условиях, в то же время даёт нам понять, что Коркут – человек особенный. Цитируемый выше С. Каскабасов высказывает мнение о том, что путешествие героя, не совершившего никаких подвигов, в поисках бессмертия, уводит казахские сказания о Коркуте от сказочного жанра, а культуртрегерские деяния героя, более или менее отчётливо сохранившиеся следы мифологического понимания космической модели мира сближает их с архаическим повествовательным фольклором [5]. Помимо этого, С. Каскабасов к сказанному добавляет ещё и семантику эпонима Коркут,

связанного с шаманской мифологией, которая в условиях исламизации Казахстана претерпела изменения и стала служить мусульманской мифологии, о чём свидетельствует превращение Коркута-шамана в Коркута-святого, поборника ислама. Скрупулёзно анализируя сочетание древнего и позднего, нехудожественного и художественного, чудесного и веры в реальность рассказываемого отличают казахские сказания о Коркуте и характеризуют их как легенда [5].

По сведениям казахских источников, Коркут-мудрец, проживший 95 лет (а в некоторых источниках 195 лет), выполнял обязанности визиря во времена правления трёх ханов: Инала, Коль-Еркена и Канлыкожи. Коркут был провидцем, а не батыром, или воином. Вместе с тем, он оставил значительное наследие в казахской музыке. В то же время, как утверждают источники, Коркут являлся мыслителем и исторической личностью, его мелодии – кюи, оставленные народу, звучат до сих пор и вселяют чувство патриотизма. Коркут ата, будучи родоначальником исполнения народной музыки на кобызе, проявил себя как композитор, акын, покровитель знахарей – шаманов.

Важное значение для казахской культуры имеют кюи Коркут Ата. Наиболее замечательными произведениями, оставшимися в наследие от мудрого-талантливого музыканта являются такие кюи, как «Тенгри күй», «Коркут күй», «Коркыт сарыны», «Коркут толгау», «Ушардын улун», «Елтен коштасу», «Акку», «Кобыз» [11].

Неслучайно, что некоторые казахские исследователи находят в Коркуте и реальное историческое лицо. Однако специалисты по истории и культуре огузов склонны к мнению о том, что у Коркута нет исторического прототипа [1]. На наш взгляд, более логичен В. М. Жирмунский, отмечавший: «Коркут – собирательный образ, созданный народным преданием и типичный как социальное обобщение знаменательного явления патриархального века кочевых народов Средней Азии» [12, с. 173].

Легенды о Коркуте рассказывают о том, что Коркут смолоду не смог примириться со скоротечностью бременной человеческой жизни, поэтому решил бороться против неизбежной смерти. Мучимый этими мыслями Коркут уходит от людей, но везде и всюду встречается со смертью. В лесу, в степи, ковыль, выгорая под солнцем, говорит ему о смерти, даже мощные горы поведали ему об ожидающем их разрушении [13].

Проблемы изучения дастана «Китаби-Деде Коркуд» в исследованиях ведущих эпосоведов

Что касается эпоса «Китаби-Деде Коркуд», как мы отмечали выше, то он является героическим памятником тюрков-огузов, ушедших под давлением тюрков-кыпчаков из степей Турана на берега Каспийского моря, в Переднюю Азию и до Дуная, позднее населявших южное Закавказье местами и определённую часть Северного Кавказа. В отличие от казахских легенд, преданий и сказаний у тюрков-огузов «Коркут Ата» превратился в мощную эпическую поэму, состоящую из 12 героических песней. Эпос известен у тюрков-огузов по двум рукописям: дрезденской и ватиканской. В нём рассказывается о непрекращающейся войне огузских богатырей с гяурами, т. е. с «неверными» за утверждение своей власти на кавказских территориях. Несмотря на то, что интеграция эпоса происходила на Востоке, древней родине огузов, тем не менее, по мнению эпосоведов, он окончательно сложился именно на территории современного Азербайджана, где компактно проживали огузы.

Дело в том, что Коркут как в казахских и каракалпакских легендах и преданиях, так и в огузском эпосе имеет много совпадений. Коркут как в казахском и каракалпакском, так и в огузском культурном ареале является патриархом, мудрецом племени, певцом, сказителем. Он же является создателем и исполнителем легенд, преданий и сказаний, участником и главным лицом всего происходящего в эпосе. Здесь же заметим, что в сложении эпоса важное значение наряду с казахскими и каракалпакскими легендами и преданиями, большую роль сыграл «Огузнаме», т. е. «Сказание об Огузе».

Известный ученый-эпосовед акад. В. Жирмунский, сравнивая рассказы «Книги Коркуда» с другими устными и письменными, легендарными и историческими источниками, сохранившимися в Средней Азии и Анатолии, также как и Ч. Валиханов, Т. Потанин, Н. Джетыбысбаев, А. Диваев, К. Иностранцев, П. Спридонов, А. Жубанов, А. Туманский, М. Ауэзов, Х. Короглы и др., пришёл к выводу о том, что огузские сказания возникли в форме героических песней в

IX-X вв. в более ранней области расселения огузов, на Сырдарье, продолжали жить в устной традиции огузов и уже в Передней Азии подверглись дальнейшей переработке, пополнившись новыми героями и сказаниями.

В предисловии к книге проф. К. Алиева турецкий эпосовед проф. Ахмет Биджан Эрджиласун пишет: «Книга-Деде Коркуд» не есть только выдающийся образец, не есть только оригинальный языковой текст, в то же время она является зеркалом жизни, мифологических понятий, легенд и дастанов огузов... На протяжении веков они создавались и писались и вполне естественно, что по-разному читались и истолковывались, вот почему прежде всего необходимо их правильно и верно изучать» [14, с. 9].

Как явствует из изложенного «Коркут Ата», превратившийся в героический эпос «Китаби-Деде Коркуд» – продукт длительного исторического развития устной народной поэзии, который по своим идейно-тематическим особенностям и художественно-изобразительному богатству, по языковым качествам, выходит далеко за пределы литературных образцов тюркского мира. Многочисленные и многовекторные особенности книги дали возможность привлечь внимание эпосу крупных учёных, в числе которых русские эпосоведы В. Бартольд (*Бартольд В. В. Турецкий эпос и Кавказ / В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 5. Москва, 1968, с. 473-486; Бартольд В. В. Книга моего Деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод В.В.Бартольда. Москва – Ленинград, 1962*), А. Кононов (*Кононов А. Н. Примечания к переводу. Книга моего Деда Коркута. (Пер. В. В. Бартольда). Москва – Ленинград, 1962, с. 259-280*), В. Жирмунский (*Жирмунский В. М. Огузский героический эпос «Книга Коркута» / Книга моего Деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод В. В.Бартольда. Москва – Ленинград, 1962, с. 131-258*), А. Якубовский (*Якубовский А. Ю. «Китаби-Коркуд» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья (Из доклада на научной конференции в Ташкенте). «Совет эдебияты». Ашгабат, 1944, № 6, с. 93-101*), азербайджанские Г. Араслы (*Араслы Г. «Китаби-Деде Коркуд» / Араслы Г. Азербайджанская литература: история и проблемы. (Избр. соч). В одном томе. Баку, Гянджлик, 1998, с. 20-31 (на азерб. яз.), Э. Алибейзаде (Алибейзаде Э. Памятник художественного подтверждения исторических событий. Баку, Азерб. Центр Перевода, 1999, 331 с. (на азерб. яз.), Ф. Зейналов (Зейналов Ф. «Китаби-Деде Коркуд» и мировое востоковедение. «Ученые записки». АГУ. Серия языка и литературы, 1976, № 4, с. 8-20 (на азерб. яз.), Т. Гаджиев (Гаджиев Т. «Деде Коркуд»: наш язык, наше мышление. Баку, Элм, 1999, 216 с. (на азерб. яз.), П. Халилов (Халилов П. И. «Китаби-Деде Коркуд» – памятник возрождения. Баку, Гянджлик, 1993, 174 с. (на азерб. яз.), Б. Абдулла (Абдулла Б. А. Поэтика «Китаби-Деде Коркуд». Баку, Элм, 1999, 224 с. (на азерб. яз.), К. Абдуллаев (Абдуллаев К.М. Тайный Деде Коркуд. Баку, Язычы, 1991, 150 с. (на азерб. яз.), Р. Кафарлы (Кафарлы Р. Огузнаме «Китаби-Деде Коркуд»: жанр, генезис, структура / Журн. Института Фольклора НАН Азербайджана. «Деде Коркуд» Института фольклора научно-литературный сборник. II (69). Баку, 2020, с. 3-20 (на азерб. яз.), Ф. Баят (Баят Ф. Еще раз к вопросу о сказаниях Деде Коркуд. Институт фольклора НАН Азербайджана. Деде Коркуд. Научно-литературный сборник. II (69). Баку, 2020, с. 21-40 (на азерб. яз.), С. Рзасой (Рзасой С. Трансмедитативная структура огузнаме «Китаби-Туркман Лисани» и ритуально-мифологическая семантика. Баку, Элм и тахсил, 2021, 435 с. (на азерб. яз.), А.Халил (Xəlil A. Oğuz eposunun ritual əsasları. Bakı: Elm və təhsil, 2016, 288 s. (на азерб. яз), Р. Кямал (Кямал Р. Китаби-Деде Коркуд: Речевые жанры и поэтика поведения. Баку, Нурлан, 2013, 148 с. (на азерб. яз), Р. Бадалов (Бадалов Р. Эпос: миф и история – «Китаби-Деде Коркуд» (Сб. статей). Баку, Элм, 1999, с. 27-29 (на азерб. яз.), А. Танрыверди (Танрыверди А. Образный мир «Китаби-Деде Коркуд». Баку, Нурлан, 2013, 392 с. (на азерб. яз.) и др., турецкие И. Абдулкадир (Абдулкадир И. О Китаби-Деде Коркуд. «Сборник Туркия». Т. I. Стамбул, 1925, с. 213-219 (на турец. яз.), М. Ф. Кеprлюзаде (Кеprлюзаде М. Ф. Заметки к книге. Деде Коркуд. «Изучение азербайджанского края». Стамбул, 1932, I год. № 1, с. 17-21 (на турец. яз.), Ч. Кырзыоглу (Кырзыоглу (Челик) М. Ф. Сказания Деде Коркуд. I книга. Стамбул, 1952, 132 с. (на турец. яз), М. Эргин (Эргин М. Относительно книги Деде Коркуд. I. «Сборник тюркского языка и литературы», 1954, № 5, с. 120-153 (на турец. яз.), Н. Боратав (Боратав П. Н. Исторические события в сказаниях Деде Коркуд и история книги. Сборник Туркия (Стамбул), 1958, Т. 13, с. 31-62 (на турец. яз), А. Б. Эрджиласун (Эрджиласун А. Б.*

Взаимосвязь Книги Деде Коркуда с дастаном «Огуз». Годовщина исследования Тюркского языка. Анкара, 1994 (на турец. яз.), Гекай (Гекай О. Ш. Элементы ислама в дастанах Деде Коркуд. «Исследования тюркского языка», 1971, № 4, с. 61-62 (на турец. яз.), казахские Ш. Ибраев (Ибраев Ш. Сравнение в системе художественных средств «Книги моего Деде Коркута». Вопросы истории литературы Востока. М., 1979, с. 15-25), С. Каскабасов (Каскабасов С.А. Корни общие и древние. Проблемы фольклорных связей. Азербайджанского-казахские литературные связи. Баку, Элм, 1990, с. 11-37), туркменские Б. Каррыев (Каррыев Б. А. Книга Коркут Ата. «Известия». Туркменского филиала АН СССР. Вып. 3-4. Ашхабад, 1946, Т. 24, с. 33-34), Х. Короглы (Короглы Х.Г. Песни Горгуда. Советская тюркология, 1971, № 2, с. 108-118), М. Аннагулуева (Аннагулуева М. Методы нравственного воспитания в эпосе «Китаби-Дедем Горгуд». Институт фольклора НАН Азербайджана «Деде-Коркуд». Научно-литературный сборник. I. (62). Баку, 2018, с. 30-36 (на азерб. яз.) и др.

«Китаби-Деде Коркуд» как эпос дошёл до нас по двум рукописям XVI века: полной, хранящейся в Дрезденской библиотеке рукописи, состоящей из 12 песен или боев, и ватиканской – из 6 частей. Если Дрезденская рукопись была доставлена в Турцию вместе с сокровищницей наместника Османской империи в Ширване в 1578-1585 гг. Османа-паши, то согласно Азербайджанской Советской энциклопедии, и дрезденская, и ватиканская версии были переписаны из более древней рукописи [15]. По мнению исследователей «Книги...» Ф. Зейналова и С. Ализаде, дрезденская рукопись написана на азербайджанском языке, ватиканская же рукопись близка к турецкому языку XVI в.

Заметим, что такая монументальная книга, как «Китаби-Деде Коркуд» не раз подвергалась нападкам со стороны партийных функционеров и идеологов советской власти. В 1950-ые годы во многих заседаниях, съездах, конференциях она всюду была объектом острой критики. Во вступительной статье к «Энциклопедии «Китаби-Деде Коркуд» [16] общенациональный лидер Азербайджана, покойный Гейдар Алиев в статье «Надёжный источник национального бытия» писал: «В мае 1951 г. на заседании Союза Азербайджанских писателей особо было подчеркнута «неискренность» Гамида Араслы, несмотря на то, что Мирза Ибрагимов, Самед Вургун, Микаил Рафили, Микаил Рзакулизаде и др. признали свои «ошибки», кампания против них продолжалась ещё в некоторое время».

В других тюркоязычных республиках, особенно в Туркменистане, также вели антипропаганду относительно «Деде Коркуда». На эпос был наложен запрет. Он был снят со всех исследовательских планов, учебных программ и учебников [17]. Несмотря на это, Г. Араслы, А. Демирчизаде, М. Ариф, М. Тахмасиб и др. учёные, опубликовав в газете «Коммунист» за 26 марта 1957 г. статью под названием «Дастаны Деде Коркуда», добились снятия запрета с «Китаби-Деде Коркуд», после чего «Книга...» широко привлекалась к исследованиям и изучению в азербайджанской культуре, литературе, истории, науке, философии, психологии, педагогике и в др. сферах.

Немало сделали по части изучения, как мы заметили выше, казахские учёные-исследователи. Так, например, проф. А. Коныратбаев издал в Алмате «Книгу Коркуд Ата». Богатырские песни огузов. Эпос» [18]. После чего в сокращённом варианте она увидела свет в переводе известного учёного А. Дербисалина [19]. Б. Исаков же перевёл «Коркут Ата китабы» с турецкого на казахский язык [20]. А казахский драматург И. Оразбаев написал специальную пьесу «Могила Коркыта» («Коркыттын корі»).

Анализируя памятник «Коркут Ата китабы» и традиции искусства акынов и жырышы в литературе тюркских народов», акад. Т. Тебегенов пишет: «12 частей «Коркут Ата китабы» объединяет общий персонаж – литературный герой, в котором нетрудно угадать черты самого Коркута. Музыкальная аура произведения создаётся образом кобыза, остроthu сюжета придаёт психологизм в изображении образов баксы, узанов (т. е. озанов), жырау и жырышы. «Коркыт Ата китабы» – это пламенное послание потомкам из глубины веков» [21, с. 28].

Свою позицию Т. Тебегенов подкрепляет далее следующими мыслями, нашедшими место в «Коркут Ата китабы», переведённом А. Коныратбаевым: «Мой дед Коркыт пришёл, спел песнь. После меня пусть эту песнь споют узаны (т. е. озаны) всех огузских стран и пусть её слушают все достойные мужи страны огузов» [18, с. 71].

Некоторые терминологические уточнения «озан», «жыршы», «йырау»

Как известно, «озаны» не только создавали песни и исполняли их. Они также усвоили у последующих за ними фольклорных типов такие качества, как способность предсказывать будущее, давать разумные советы, наставлять людей на путь истины. Коль скоро мы заговорили об озанах, то следует сказать несколько слов о них. О происхождении термина «озан» русский востоковед А. Боровков отмечает: «Этим словом называют по-тюркски разряд людей, играющих на тамбуре, поющих песни-тюрки и сказывающих огузнаме». Помимо этого, учёный уточняет, что аузан (т. е. озан) название класса людей или племен, которые, играя на дутаре (тамбуре), поют песни и высказывают предсказания. Впоследствии термин «озан» в языке образовавших казахский народ племен вместе с культурой перешёл в казахское устно-поэтическое творчество. Однако на протяжении длительного исторического этапа в этом значении «озан» давно используется так же в азербайджанском фольклоре и наряду с термином «ашыг» означает сказателей крупных эпических произведений. Один из серьёзных исследователей «Коркыт ата», Е. Жубанов огузских жырау, исполнителей крупных эпических поэм, называет озанами-жырау. Помимо казахов, кыргызов и каракалпаков наряду с термином жырау, узбеки, карачаевцы малкарцы также широко употребляют термин жыршы, как фольклорных представителей сказательского искусства. Так, например, в замечательном историко-генеалогическом труде Абульгази «Шеджереи – теракиме» упоминается жыршы Улуг, известивший Чингиз хана о смерти его сына Жошы. Заметим, что данный вопрос удачно рассмотрен в статье казахского ученого проф. А. Булдыбая [22]. О специфических особенностях киргизских сказителей высказывали свои соображения М. Богданова, К. Юсупов, азербайджанский исследователь и переводчик «Манаса» А. Джамиль [23].

Карачаевский исследователь Р. Ортабайланы пишет, что исполнителями, хранителями народных песен и их популяризаторами были народные жырчы (так называют карачаевцы «жыршы»). Неслучайно у карачаевцев по сей день сохранилось изречение «Без жыра солнце не зайдёт на закат» (т. е. «Джырсыз кюн батмаз»).

А якутские исследователи первых исполнителей олонхо называли «сэсен» («шешен») «оратор», затем – «ырыа». Известный фольклорист А. Маргулан замечает, что в историческую эпоху Коркыта на Сырдарье, населённом огузско-кипчакскими племенами, жил гениальный старец, выходец из народа, советчик, превосходный акын (узан, т. е. озан), который мог предвосхитить и предсказать будущее [24]. А. Коныратбаев же, отмечая, что первым узаном (т. е. озаном) огузов был Коркыт, при этом добавляет к этому и такую мысль: «В те времена песня исполнялась лишь под аккомпанемент кобыза в музыкальном размере кюя» [25, с. 65]. Ведь неслучайно, что в «Китаби-Деде Коркуд» присутствуют струнные, голосовые, хороводные, ударные музыкальные инструменты.

Л. Алышарлы в статье «Песни «Китаби-Деде Коркуд» и наши музыкальные инструменты» отмечает целый ряд музыкальных инструментов, таких, как кобыз, алча кобыз, гоча кобыз, курулуча кобыз, давул, кес, нагара, сурна, зурна. Она утверждает, что по частоте употребления в первом ряду стоит, конечно же, музыкальный инструмент кобыз, с чем мы встречаемся так же в «Дивани лугат-ит тюрк» Махмуда Кашкари [26]. Во всех 12 песнях эпоса «Китаби-Деде Коркуд» в центре внимания находится мудрый старец, аксакал и предусмотрительный визир Деде Коркуд с кобызом в руках – песни поёт, наставляет огузов как духовный предводитель своего племени. В этих стихотворных отрывках внутри боев в сопровождении кобыза звучит определённая музыка и мелодия. Во всех 12 песнях Деде Коркуд является центральным героем, связывающим все бои (т. е. песни) дастана. Именно поэтому эти песни или дастаны названы именем Коркуда «Китаби-Деде Коркуд». Больше половины всего текста дастанов Деде Коркуд рассказывает прозой, что на азербайджанском называется «boy boylamaq», а половину же поёт, сопровождая себя на кобызе (на азербайджанском: «soy soylamaq», что показывает ведущую роль кобыза и музыки в дастанах. Вот почему образ Деде Коркуда обволакивается с кобызом. «Деде Коркуд пришёл, спел песнь в сопровождении кобыза» [27, с. 122].

Расхождения во взглядах ученых относительно времени возникновения основного текста эпоса «Китаби-Деде Коркуд»

На наш взгляд, своеобразен подход коркудоведа А. Гаджиева к памятнику. «Китаби-Деде Коркуд» является сборником, объединяющим в себе несколько исторических периодов. Эти

песни впервые оформлены в единую цепь как до времени Деде Коркуда, так и во времена исторических событий, нашедших в них место в период, когда он сам жил, в то же время там имеются места, рассказанные в пиршестве какого-то неизвестного нам хана и были записаны» [28, с. 123].

В другой статье А. Гаджиев замечает, что наблюдения над материалом эпоса «Деде Коркуд» по поводу возникновения и формирования свидетельствуют, что подавляющая часть песен охватывает периоды, когда огузы верили в разные религии. Как видно из текста памятника, слагателем этих песен является озан всех озанов Деде Коркуд. Сам же Деде Коркуд, родившийся приблизительно во времена Расула-алейхиссалама, является мудрецом огузов. Несмотря на то, что в предисловии книги есть разное толкование, по-нашему мнению, Коркуд Ата является исторической личностью огузов, живший примерно в V-VI веках в доисламский период. Он разрабатывал широко распространившиеся древние дастаны и предания сообразно духу эпохи и слагал песни в честь именитых богатырей, и что весьма примечательно, считал целесообразным объединить будущее поколение под единой государственной идеей [29].

Как мы видим, автор статьи, также как и другие учёные, исследующие те или иные вопросы эпоса «Деде Коркуд», А. Гаджиев утверждает мысль о том, что «Деде Коркуд» является исторической личностью, жившей в V-VI вв. Однако конкретных сведений автор на этот счёт не приводит. Отсюда следует, что было бы объективнее говорить о прототипах Коркуда, нежели предпринимать попытки выдавать его за историческую личность. Многие тюркские племена, народы, в том числе и каракалпаки, Деде Коркуда представляют как легендарную личность, жившего в указанный период. В подтверждение данного мнения можем сослаться на имеющие место в 77-87 томах «Каракалпакского фольклора», где есть четыре легенды о Коркуде под названием «Деде Коркуд» («Коркыт баба»), «Могила Коркуда» («Коркыттын гөри»), «Куда пойдёшь, могила Коркуда» («Кайда барсан, Коркыттын гөри»), «Легенда о Коркуд Ата» («Коркыт Ата хаккында эпсана») [30, с. 52-53]. По своему содержанию эти легенды во многом сходны с легендами и преданиями древних казахов. И это не случайно. Так как каракалпаки на протяжении длительного исторического этапа жили на тех же территориях, где жили казахи и ногаи.

Ногаи также рассматривают Коркут Ата своим первым общетюркским памятником и предком. Они относят это произведение к VIII в., когда среди тюркских народов широко были распространены меткие изречения, богатырские сказания, т. е. «жыры» (по ногайски «йыры»). Ногайцы жыр называют йыром [31]. Так же как и у казахов, у ногайцев широкой популярностью пользовались легенды, предания, афористические изречения, пословицы и поговорки. Распространителями фольклорных произведений и народного эпоса с древних времён у ногайцев были певцы, сказители и исполнители. Среди них почётное место занимали «йырау», исполнители героических поэм. Ногайские йырау, также как и казахские жырау, исполняли эпические образцы с помощью кобыза, домбры, дутара, субызны, зураня, даулбаз [32]. Неслучайно у ногайцев имеется множество йыров, среди которых особняком стоит «Елли-кая йыр». Именно его пел весь ногайский народ:

Елли кая шалпув саз,
Елде шувак оьтерме?
Ер силкитип яв келсе,
Ерге шешек битирме?

Ерди явин шылатар,
Явды баьтир токтатар,
Йигитлер явга сайланар,
Коркаклар уйде айланар [33, с. 164].

Вот подстрочный перевод этих отрывков:
На Елли-кая тревожная мелодия
Разве сквозь ветер солнечное тепло пройдёт,
Если враг, сотрясая землю, придёт,
Разве на этой земле цветы расцветут?

Землю дождь намочит,
Врага герой остановит,
Джигиты на сражение пойдут
Трусы дома подождут.

Ногайский поэт, писатель, публицист и исследователь И. Капаев в цитируемой книге говорит об огузах и Огуз Хане – о первоцаре древних тюрков и отмечает, что отголоски его мифологизированного образа имеются в ногайской мифологии. И здесь он ссылается на мысли великого казахского поэта – исследователя О. Сулейменова о том, что он писал о фонетическом и смысловом сходстве тюркского слова «огиз» и английского слова «окс» (бык) [33, с. 289]. Капаев в то же время отмечал, что имя Огуз хана сохранилось в прозаическом фольклоре у ногайцев, у которых бытует поговорка: «Обзим, озимден, Огиз болгасынъма?» («Всё на себя беря, ты Огуз (т. е. бык) что ли?»). А между тем у ногайцев этноним огуз произносился как уз, уыз, что по-ногайски означало родственник [33]. В итоге уз, узы, гузы, огузы, тогузогузы – все они объединяли тюркские племена. И неслучайно, что ногайский Сыбрайырау родословную ногайских ханов объясняет следующим образом:

Алак ханнан тогыз хан,
Уллы ханнан отыз хан
Оны коьрген картынъман [33, с. 291]

После Алак хана девять ханов,
После Уллы хана тридцать ханов –
Их видевший я – твой старец.

В этом же ключе можно рассматривать и кумыкские «йырау» как важнейшую часть народного фольклора у ногайцев. В этом жанре творили известные кумыкские сказители Йырчы Казак и Аяв Атаев. «Йыр» переводится с кумыкского языка как песня или дастан, исполнителей йыров называли «йырчы». Йыры у кумыков связаны с архаическим эпосом, ибо у кумыков в древности имелись крупные эпические творения, впоследствии ставшие самостоятельными песнями героико-эпического характера. Достаточно называть героические йыры о Минкюллю и Карткожак («Карткожак» в переводе на русский язык означает самый старый старик). Именно Карткожак, борющийся с ангелом смерти Азраилом, имеет аналогии в сказаниях, преданиях и легендах о Коркут Ата, или же в огузском эпосе Деде Коркуте. Жанр йыра у кумыков связан с искусством народного сказа. К сказанному следует добавить, что в Баку в Институте фольклора НАН Азербайджана на азербайджанском языке параллельно с кумыкским была издана книга известного кумыкского ученого, доктора филологических наук, профессора И. Халипаевой «Фольклор тюркских народов. Кумыкский фольклор» (том пятый) с мифологическими текстами. В ней представлены мифологические тексты с древними «йырами», домусульманскими сказаниями и историческими преданиями [34], о чем информировали и интернет ресурсы [35].

В понятийном и терминологическом смысле слово «йыр» и «йырчы» сохранились и в письменных памятниках кумыков. В частности, кумыкский народный поэт широко известен как «Йырчы Казак» [36]. Кумыкский исследователь К. Алиев в статье «Кумыки и их правители в свете сказаний об Огуз-хане» отмечает, что кумыки, как исторический во всех отношениях народ, упомянуты во многих восточных и западноевропейских исторических источниках: они и их правители шаухалы достаточно известны и в тюркских эпических сказаниях «Огузнаме», «Китаби-Дедем Коркуд» и «Кероглу». ...Далеко не случайно, что именно в эпосе «Китаби-Дедем Коркуд», несомненно, имеющем, как показали исследования А. Демирчизаде, огуз-кипчакские языковые корни, впервые фигурирует владетель кипчаков «Аладжа Атлу Шавкал-и Мелик» («Обладатель розового коня шевкальскийцарь») он же – «Кипчак Мелик» [37].

У кумыков йыры наряду с песнями означают и героические, исторические, историко-героические дастаны, а также балладные дастаны – песни. В книге Фольклор тюркских народов. Пятая книга. «Кумыкский фольклор» представлено все своеобразие кумыкских йыров [34]. Заметим, что кумыкские йыры «Йыр Минкюллю», «Песня о Карткожаке», «Анжинаме» имеют в своих отдельных мотивах сходства со сказаниями общетюркского эпоса «Китаби-Деде Коркуд», на что также особое внимание обратила проф. И. Халипаева [38].

Роль и место эпоса «Китаби-Деде Коркуд» в философско-культурном мышлении тюркских народов

Как видно из вышесказанного, почти все тюркские народы считают «Деде Коркуд» или «Китаби-Деде Коркуд» источником своей общей истории, мифологии, легенд, преданий, сказаний культуры, литературы и т. д., древним памятником эпического мышления. Это, видимо, было связано с тем, что фольклорно-мифологическая и эпическая среда была общим движущим ориентиром тюркских племён, когда они ещё не делились на отдельные группы по специфическим признакам. На это сочинение претендовали как огузы, так и кипчаки, карлуки и др. В то же время каждые образцы легенд и преданий по своему типу отражают этнопсихологическое своеобразие того племени и этноса, кому они принадлежали. А что касается только эпоса «Китаби-Деде Коркуд», то позднее, разрастая на основе героической истории огузов, он превратился в монументальное произведение, отражающее всю архитектуру мифологического мышления, идейную особенность мысли тюрков-огузов, в первую очередь азербайджанцев, анатолийских тюрков, туркмен, гагаузов и т. д.

У азербайджанцев этот памятник в отличие от предыдущих названий, как мы заметили выше, приобрёл форму «Китаби-Деде Коркуд» и прославился как один из величественных среди образцов мирового эпоса. В книге концептуальность текста перемежается с эпическим историзмом. Она является самым современным образцовым письменным эпическим произведением в средневековой тюркской литературе в целом.

Здесь же следует отметить, что отношение к изучению эпоса «Китаби-Деде Коркуд» в предыдущие периоды было однобоким. Интенсивное исследование его частей и особенностей началось только со второй половины 50-х годов XX в. Именно после этого периода начинается изучение этого редчайшего образца культуры тюркских народов из разных ракурсов. Изучали его азербайджанские учёные. Г. Араслы подготовил текст книги к печати [39]. А. Демирчизаде провёл исследование относительно языка эпоса [40], А. Султанлы проводил его сопоставительное исследование [41] и т. д.

В коркудоведении достаточно много разногласий и разнобоя в толковании относительно периода возникновения памятника. Здесь мнения учёных в значительной степени расходятся. Так, например, отец азербайджанского коркудоведения Г. Араслы полагает, что его возникновение связано с приходом в Азербайджан огузских тюрков (X-XI вв.). В эпосе простым народным языком находит своё отражение жизнь X-XI вв. [42].

Высказывая своё мнение относительно эпохи памятника, известный коркудовед Т. Гаджиев писал: «Художественные персонажи, личные имена участников событий, древние тюркские имена – система имен доисламского периода: Коркуд, Баяндыр, Салур Казан сына Улаша, Уруз, Бамсы Бейрек, Гантуралы сын Канлы Годжи, Банучичек, Селджан Хатун, Бурла хатун и т. д., даже не огузы, враги Калын Огуза также узнаются по древней системе имён: Кыпчак Мелик, Кара Текур Мелик, Шёклю Мелик, Сулу Сандал Мелик, Аг Мелик Чешмя и др. [43].

Вне всякого сомнения можно сказать, что по сравнению с другими учёными в исследование многих вопросов эпоса свою весомую лепту внесли азербайджанские коркудоведы, изучавшие многочисленные проблемы «Книги...». Эпос «Китаби-Деде Коркуд» изучен с точки зрения языковых, стилистических, поэтических, прозаических, историко-этнографических, образно-стилистических, мифологических качеств, палеографических особенностей дрезденской и ватиканской рукописей, взаимосвязей с греческой мифологией, изображения образа жизни огузов, в части проблемы героя. Более того, сложилось немало утверждений по поводу его роли в культуре огузов, отражения религиозно-философского мышления этноса, историко-филологического анализа личных имён в эпосе, поисков любовных мотивов эпоса в поэме узбекского классика Атаи «Лейли и Меджнун», в аспекте этнографии и фольклора, педагогики, психологии, философии, изобразительного и музыкального искусства, топонимики, ономастики, антропоники, эстетики, этики, отражение этнопсихологических особенностей, корней и истоков тюркского этнического мышления, места в нём исламской религии и Корана, политической государственной структуры, истории и современности, географической среды, исторического, географического и текстологического исследования рукописей, исторических следов каганата,

мир тотемов и мифических преданий, любовных мотивов, сравнительно-сопоставительного изучения со скандинавскими дастанами «Большая Эдда» и «Малая Эдда», с германскими сказаниями «Песнь о Нибелунгах», проблемы текстологии, древнего тюркского языкового пласта, в части сюжетной структуры эпоса, вопросов азербайджанской истории и истории огузов и т. д.

Если «Коркут Ата» – продукт довольно отдалённой фольклорно-мифологической эпохи тюрков-кипчаков, живущих на обширных территориях Сибири, Туркестана, реки Сырдарья, то «Китаби-Деде Коркуд», оформившийся в виде 12 боев, песен, входящих в это фундаментальное произведение, продукт X-XI вв., распространённый ещё до ислама, отражает историю, созвучную со многими событиями, происходящими на территории Азербайджана. Неслучайно, что подавляющая часть событий в боях и песнях охватывает регионы и топонимы Демиркапы Дербент, Барда, Гянджа, Дерешам, Алинджа, Карадаг, озера Гёгча, Карачук и т. д. [15].

В отличие от мифологических преданий, легенд и сказаний, дошедших до нас от тюрков-кыпчаков, азербайджанский «Китаби-Деде Коркуд», несмотря на то, что состоит из 12 самостоятельных песней, посвящённых разным событиям, и вместе с тем связанных общей сюжетной линией и с общими образами и героями, воспринимается как единый монументальный памятник.

Исходя из такой общности идеи, создатель «Китаби-Деде Коркуда» искусно объединил в эпосе как персонажей более старшего (в их числе Казан хан, Дирсе хан, Казылы Годжа, Бекил, Байбеджан, Аруз, Гарагюне), так и более молодого поколения (Бейрек, Уруз, Басат, Йейнек, Секрек, Карабудаг, Амран). Ведущей пафосной канвой памятника является героический дух, где богатыри расцениваются только по степени проявления отваги, героизма, совершенного ради защиты родной земли. Именно эта черта эпоса «Китаби-Деде Коркуд» отличает его от «Коркут Ата».

Говоря о принадлежности эпоса «Китаби-Деде Коркуд» конкретной географической среде, известный коркудовед Ш. Джамшидов писал: «Китаби-Деде Коркуд» – исторический дастан, изображающий языком народного творчества древнюю культуру, условия общественной жизни и первый период государственности огузов, их политико-административную, военно-географическую среду. В то же время этот дастан по своему художественному содержанию является историей азербайджанских огузов, ведущих героическую борьбу в период средневековья на территории Аррана-Албании, имеющих чётко очерченные родные границы как защитные линии от иноземных набегов против христианских меликов, не принимавших ислам внутри страны [44].

Ш. Джамшидов, говоря о территориях Азербайджана, Аррана-Албании, подчеркивает мысль о том, что границы этого государства на севере обнимает город Дербент. С севера по сегодняшнему административному округу как основной сосед по границе территории Грузии. А на северо-западе, находящемся в пределах Турции, она граничит с Чёрным морем. У огузов в двух местах были два погранично-постовых пункта: первое после Гянджи за участком Акстафы, в Грузии, где караулил Бекил со своими сородичами. Кстати, «Бекил» употребляется в значении беречь, охранять, а топоним «Акстафа» – в значении «граница у сопок». А во втором пункте, размещённом в ущелье «Кара дере», караулил брат Салура Казана Гарагюне. Все столкновения и приключения огузских героев происходят именно в этом направлении [44]. Интересно, что герои «Деде Коркуда» сражаются в двух фронтах против врагов. Против врагов первого фронта – Докузтюмен Грузия и на территории Анатолии, когда ещё до Османских тюрков там жили трабзонские, диарбекирские, дюзмюрдские и др. анатолийские текуры. Внутренними же врагами были не принявшие ислам албанские мелики – Кыпчак мелик, Бугаджык мелик, Гара Аслан мелик, Гара Текин мелик, Суни Сандал мелик и др. Как мы знаем, они впоследствии вошли в тюркскую этническую группу.

В отдельных дастанах «Китаби-Деде Коркуд» присутствуют герои, именем которых называют роды и племена во многих территориях Азербайджана. Такие топонимы можно встретить в Ираке, Бекдюз, Баят, в Южном Азербайджане, в Нахичеване, Джебраиле, Губадлы, в Барде Баяндырхан, Ордубаде Салур Газан, в Таузе Дели Дондар, в Агджабеди гора Гараджуг, в Кубе река Чагаджук и одноименное селение, Огузские сопки, в названии Огузского района и др.

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что «Коркут-Ата», как казахский шаман из Туркестана и из берегов Сырдарьи, переместившись на наши территории, обрёл здесь большую историко-географическую и этническую значимость. Живя в этническом сознании, складываясь из отдельных источников, в частности, из огузнаме, тезкире, он попадает в новую азербайджанскую историческую среду, Коркуд Ата приобретает реальную пространственно-временную сущность. Более того, в казахских и русскоязычных источниках зачастую прослеживается мифологическая семиотика и структурно-семантическая трактовка образа Коркуда Ата. Однако главная проблема в том, что ни Туркестанско-Сырдарьинское, ни Азербайджанско-Турецко-Туркменское толкование эпоса по сей день всё ещё не является общепринятым и окончательным в плане его возникновения, бытования в устах народов и превращения этого замечательного устного памятника в единую книгу в виде «Китаби-Деде Коркуд». Для того, чтобы сложилась полная аргументированная картина вопроса следует изучать все источники с чёткой ориентацией на самодостаточную концепцию с древнейших времён до времени сложения эпоса «Китаби-Деде Коркуд». Здесь, безусловно, потребуются совместные усилия ведущих коркудологов, стремящихся создать более достоверную и фундаментальную картину этого эпохального сочинения.

Литература

1. Кор-оглы Х. Г. Огузский героический эпос / Х. Г. Короглы. – Москва : Наука, 1976. – 239 с.
2. Koroğlu X. Oğuz qəhrəmanlıq eposu. Bakı, “Yurd”, 1999, 243 s. (на азерб. яз.).
3. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. В 5-ти т., т. 1. – Алма-Ата : Наука, 1977. – 558 с.
4. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. / С. Г. Агаджанов. – Ашхабад : Илым, 1969. – 295 с.
5. Каскабасов С. А. Корни общие и древние. Проблемы фольклорных связей. «Деде Коркут»... на казахской почве / С. А. Каскабасов // Азербайджанско-казахские литературные связи : Ист. пути и судьбы развития. – Баку, Элм, 1990. – С. 10-37.
6. Коркыт ата. Энциклопедический сборник. – Алма-Аты, 1999. – С. 113-114.
7. «Тарих» – История Казахстана – школьникам / Путешествие во времени. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tarih-begalinna.kz/ru/timetravel/pag3336/> (дата обращения: 05.12.2021).
8. Коркыт Ата. [Электронный ресурс]. URL: bibliotekar.kz. (дата обращения: 07.12.2021).
9. Жубанов А. Струны столетий / А. Жубанов. – Алма-Ата : Казгослитиздат, 1958. – 395 с.
10. Маргулан Э. Коркут ата әмірі мен афсаналары // Жылдыз. – 1983. – № 4 (на казах. яз.)
11. Коркыт ата. Антология казахской музыки. [Электронный ресурс]. URL: <http://silkadv.com/ru/node/1565> (дата обращения: 21.12.2021).
12. Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» / В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов // Книга моего деда Коркута : огузский героический эпос. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1962. – 299 с.
13. Центральная-Казахстанская Академия. Кобызшы Коркыт Ата [Электронный ресурс]. URL: infonrok.ru/prezentaciya.1. (дата обращения: 08.12.2021).
14. Ercilasun A. B. Sunuş // Kamran Aliyev. Açık kitap: Dede Korkut. Istanbul, “Ötüken neşriyat A.Ş.”, 2018, s. 9-12 (на турец. яз.).
15. “Kitabi-Dədə Qorqud” // Azərbaycan Sovet Ensiklopediyası. V c. Bakı, Azərbaycan Sovet Ensiklopediyasının Baş Redaksiyası, 1981, s. 408-409 (на азерб. яз.).
16. Kitabi-Dədə Qorqud Ensiklopediyası. İki cild. I cild. Bakı, Yeni nəşrlər Evi, 2000 – 376 s. (на азерб. яз.).
17. Əliyev H. Milli varlığımızın mötəbər qaynağı / Kitabi Dədə Qorqud Ensiklopediyası. 2 c., 1 c. Bakı, Yeni nəşrlər Evi, 2000, s. 5-12 (на азерб. яз.).
18. Коркут Ата китабы : Оғыздардын батырлық жырлары : Эпос // Ауд. Ә.Коныратбаев. Алма-Ата, «Жазушы», 1986, 128. (на казах. яз.).
19. Коркут Ата : огуздарын батырлық эпосы // Ауд. Ә. Дербисалин. – Алматы, «Казахстан», 1993. – 64 б. (на казах. яз.).

20. Коркут Ата китабы / Турк тілінен ауд. Б. Исаков. – Алматы, «Жазушы», 1994. – 160 б. (на казах. яз.).
21. Тебегенов Т. «Коркут Ата китабы» и традиции искусства акынов и жырышы в литературе тюркских народов / Т. Тебегенов // «Kitabi-Dədə Qorqud» və türk dünyası. “Kitabi-Dədə Qorqud”un tərcüməsi və nəşrinin 200 illiyinə həsr olunmuş Beynəlxalq Elmi konfransın materialları. 29 dekabr 2015-ci il. – Bakı, 2015. – S. 27-35.
22. Булдыбай А. Дадем Коркут и типология эпических сказителей тюркского народа / А. Булдыбай // BDU “Kitabi-Dədə Qorqud” və türk dünyası. “Kitabi-Dədə Qorqud”un tərcüməsi və nəşrinin 200 illiyinə həsr olunmuş Beynəlxalq elmi konfransın materialları. 29 dekabr 2015-i il. – Bakı, 2015. – S. 71-77.
23. Джамиль А. Эпос Манас и традиции тюркских сказаний / А. Джамиль. – Баку : «Елм», 2002. – 180 с.
24. Маргулан Ә. Ежелгі жыр-аныздар. – Алматы, «Жазушы», 1971. – 328 б. (на казах. яз.).
25. Кобыратбаев А. Древнетюркская поэзия и казахский фольклор / А. Кобыратбаев. – Алма-Ата : «Гылым», 1971. – 280 с.
26. Alisharli L. “Kitabi-Dədə Qorqud” və türk dünyası “Kitabi-Dədə Qorqud” bəyləri və musiqi alətlərimiz // “Kitabi-Dədə Qorqud”un tərcüməsi və nəşrinin 200 illiyinə həsr olunmuş Beynəlxalq Elmi Konfransın materialları, 29 dekabr 2015-ci il. – Bakı, 2015. S. 316-319 (на азерб. яз.).
27. Kitabi-Dədə Qorqud. Tərtibçilər: F.R.Zeynalov və S.Q.Əlizadə. – Bakı : “Yazıçı”, 1988. – 265 s. (на азерб. яз.).
28. Hacıyev (Şirvanelli) A. Qorqudşünaslıqda mübahisə doğuran bəzi sözlər haqqında // Dədə Qorqud günü. XV Elmi Sessiyanın materialları. 9 oktyabr 2015-ci il. – Bakı : “Elm və təhsil”, 2015. – S. 123-154 (на азерб. яз.).
29. Hacıyev A. “Dədə Qorqud” eposunda şaman görüşlərini əks etdirən bəzi məqamlar / “Dədə Qorqud”. Elmi-ədəbi toplu. – Bakı : “Elm və təhsil”, 2017. – № 1. – S. 18-26 (на азерб. яз.).
30. Эпсаналар / Каракалпак фольклоры. Т. 77-87 / Бас ред. Н. К. Аимбетов. – Нөкүс : «Илим», 2014. – 560 б. (на каракалпак. яз.).
31. Асыл соьз. Ногай шайирлигининь антологиясы. – Черкесск : «Карашай-Шеркес республикасы китап баспасы», 2013. – 448 с. (на ногай. яз.).
32. Фольклор [электронный ресурс]. URL: lektsii.net (дата обращения 19.12.2021).
33. Капаев И. Опыт мифологического словаря. Ногайские мифы, легенды и поверья / И. Капаев. – Москва : Голос-Пресс, 2012. – 424 с.
34. Türk xalqları folkloru. V kitab. “Qumuq folkloru”. Toplayanı və tərtib edəni İ.Xalipayeva. – Bakı : Elm və təhsil, 2020. – 328 s. (на азерб. яз.).
35. В Баку издана книга [электронный ресурс]. URL: [Dgpu.net](http://dgpu.net) (дата обращения 19.12.2021).
36. Öztürk E. Kumuk halk şairi Yıgıç Kazak. – Ankara, 2008. – 280 s. (на турец. яз.).
37. Алиев К. Кумыки и их правители в свете сказаний об Огуз-хане [электронный ресурс]. URL: <http://kumukia.ru/?id=710> (дата обращения 19.12.2021).
38. Халипаева И. Женщины в памятниках тюркского эпоса / И. Халипаева // Вестник тюркского мира, 2010. – № 1. – С. 12-17.
39. “Kitabi-Dədə Qorqud”. Tərt. et. H. Araslı. – Bakı : Azərnəşr, 1962 (на азерб. яз.).
40. Dəmirçizadə Ə. “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanlarının dili / Pedaqoji institutların tələbələri üçün tədris vəsaiti. Bakı, 1959 (на азерб. яз.).
41. Sultanlı Ə. “Dədə Qorqud” dastanları haqqında qeydlər / ADU-nun Elmi əsərləri, 1958, № 1 (на азерб. яз.).
42. Araslı H. “Kitabi-Dədə Qorqud” / Araslı H. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi və problemləri. – Bakı : Gənclik, 1998. – S. 20-22 (на азерб. яз.).
43. Hacıyev T. “Kitabi-Dədə Qorqud” eposu / Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, VI c., I c. – Bakı : Elm, 2004. 398-462 (на азерб. яз.).
44. Cəmişidov Ş. “Kitabi-Dədə Qorqud” da coğrafi mühit / “Kitabi-Dədə Qorqud” (Məqalələr toplusu). – Bakı : Elm, 1999. – S. 49-50 (на азерб. яз.).

References

1. Kor-ogly H. G. Oguz heroic epic. Moscow, Nauka Publ., 1976, 239 p. (In Russ.)
2. Koroglu X. Oghuz heroic epic. Baku, Yurd Publ., 1999, 243 p. (In Azerbaijan)
3. The history of the Kazakh SSR from ancient times to the present day. In 5 volumes, vol. 1. Alma-Ata, Nauka Publ., 1977, 558 p. (In Russ.)

4. Agadzhanov S. G. Essays on the history of the Oguz and Turkmens of Central Asia of the IX–XIII centuries. Ashgabat, Ilym Publ., 1969, 295 p. (In Russ.)
5. Kaskabasov S. A. Common and ancient roots. Problems of folklore connections. “Dede Korkut” ... on Kazakh soil. In: Azerbaijani-Kazakh literary relations: Historical ways and destinies of development. Baku, Elm Publ., 1990, pp. 10–37. (In Russ.)
6. Korkyt ata. Encyclopedic collection. Alma-Ata, 1999, pp. 113–114. (In Russ.)
7. Tarikh – The History of Kazakhstan – for schoolchildren. Time travel [Web resource]. URL : <http://www.tarih-begalinna.kz/ru/timetravel/pag3336/> (accessed December 5, 2021).
8. Korkyt Ata [Web resource]. URL : <http://bibliotekar.kz> (accessed December 7, 2021).
9. Zhubanov A. Strings of centuries. Alma-Ata, Kazgoslitizdat Publ., 1958, 395 p. (In Russ.)
10. Margulan E. Korkut ata amiri men afsanalary. *Zhilyz*. 1983, no. 4. (In Kazakh)
11. Korkyt ata. Anthology of Kazakh music [Web resource]. URL: <http://silkadv.com/ru/node/1565> (accessed December 12, 2021). (In Russ.)
12. Zhirmunsky V. M. Oguz heroic epic and “The Book of Korkut”. In: The book of my grandfather Korkut: Oguz heroic epic. Ed. by V. M. Zhirmunsky, A. N. Kononov. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1962, 299 p. (In Russ.)
13. Central Kazakhstan Academy. Kobyzshy Korkyt Ata [Web resource]. URL: <http://infonrok.ru/prezentaciya.1> (accessed December 8, 2021). (In Kazakh)
14. Ercilasun A. B. Presentation. In: Kamran Aliyev. Open book: Scare Grandpa. Istanbul, Ötüken neşriyat A.Sh. Publ., 2018, pp. 9–12. (In Turkish)
15. Kitabi-Dede Gorgud. In: Azerbaijan Soviet Encyclopedia. Vol. V. Baku, The editorial office of the Azerbaijan Soviet Encyclopedia, 1981, pp. 408–409. (In Azerbaijani)
16. Kitabi Dede Korkud Encyclopedia. In 2 volumes. Vol. I. Baku, House of new publications, 2000, 376 p. (In Azerbaijani)
17. Aliyev H. The authoritative source of our national existence. In: Kitabi Dede Korkud Encyclopedia. In 2 volumes. Vol. I. Baku, House of new publications, 2000, pp. 5–12. (In Azerbaijani)
18. Korkut Ata kitaby: Oryzdardyn batyrylyk zhyrlary: Epos. Aud. Ə. Konyratbaev. Alma-Ata, Zhazushy Publ., 1986, 128 p. (In Kazakh)
19. Korkut Ata: Oguzdarın batirlik eposu. Aud. Ə. Derbisalin. Almati, Kazahstan Publ., 1993, 64 p. (In Kazakh)
20. Korkut Ata kitaby. Typik tilinen aud. B. Isakov. Almaty, Zhazushy Publ., 1994, 160 b. (In Kazakh)
21. Tebegenov T. “Korkyt ata Kitaby” and the traditions of Akyn and Zhyrshy art in the literature of the Turkic peoples. In: “Kitabi-Dede Gorgud” and the Turkic world. Materials of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the translation and publication of “Kitabi-Dede Gorgud” (December 29, 2015). Baku, 2015, pp. 27–35. (In Russ.)
22. Buldybai A. Dadem Korkut and typology of epic storytellers of the Turkic people. In: “Kitabi-Dede Gorgud” and the Turkic world. Materials of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the translation and publication of “Kitabi-Dede Gorgud” (December 29, 2015). Baku, 2015, pp. 71–77. (In Russ.)
23. Jamil A. Epic Manas and traditions of Turkic legends. Baku, Elm Publ., 2002, 180 p. (In Russ.)
24. Margulan N. Ezhelgi zhyr-anyzdar. Almaty, Zhazushy Publ., 1971, 328 p. (In Kazakh)
25. Konyratbayev A. Ancient Turkic poetry and Kazakh folklore. Alma-Ata, Gylym Publ., 1971, 280 p. (In Russ.)
26. Alisharli L. “Kitabi-Dada Gorgud” and the Turkic world “Kitabi-Dada Gorgud” baylar and our musical instruments. In: “Kitabi-Dede Gorgud” and the Turkic world. Materials of the international scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the translation and publication of “Kitabi-Dede Gorgud” (December 29, 2015). Baku, 2015, pp. 316–319. (In Azerbaijani)
27. Kitabi-Dada Gorgud. Compilers: F. R. Zeynalov and S. G. Alizade. Baku, Yazıçı Publ., 1988, 265 p. (In Azerbaijani)
28. Hajiyeve (Shirvanelli) A. About some controversial words in horror. Dada Gorgud day. Materials of the XV Scientific Session (October 9, 2015). Baku, Science and education Publ., 2015, pp. 123–154. (In Azerbaijani)
29. Hajiyeve A. Some points reflecting shaman meetings in the epic “Dada Gorgud”. Scientific and literary collection. Baku, Science and education Publ., 2017, no. 1, pp. 18–26. (In Azerbaijani)

30. Epsany. Karakalpak folklore. Vol. 77–87. Ed. by N. K. Aimbetov. Hökuc, Science Publ., 2014, 560 p. (In Karakalpak)
31. Asyl soz. Nogay shyirliginin anthologies. Cherkessk, Карашай-Шеркес республикасы китап баспасы Publ., 2013, 448 p. (In Nogay)
32. Folklore [Web resource]. URL: <http://lektsii.net> (accessed December 19, 2021). (In Russ.)
33. Kapaev I. Experience the mythological dictionary. Nogai myths, legends and beliefs. Moscow, Golos-Press Publ., 2012, 424 p. (In Russ.)
34. Folklore of Turkic peoples. Book 5. Kumug folklore. The collector and the compiler İ. Xalipayeva. Baku, Science and education Publ., 2020, 328 p. (In Azerbaijani)
35. A book has been published in Baku [Web resource]. URL: <http://Dgpu.net> (accessed December 19, 2021). (In Russ.)
36. Öztürk E. Kumuk halk şairi Yırçı Kazak. Ankara, 2008, 280 p. (In Turkish)
37. Aliyev K. Kumyks and their rulers in the light of the legends about Oguz Khan [Web resource]. URL: <http://kumukia.ru/?id=710> (accessed December 19, 2021). (In Russ.)
38. Khalipaeva I. Women in the monuments of the Turkic epic. *The Bulletin of the Turkic World*. 2010, no. 1, pp. 12–17. (In Russ.)
39. Kitabi-Dada Gorgud. Ed. by H. Araslı. Baku, Azərənşır Publ., 1962. (In Azerbaijani)
40. Demirchizade A. Language of “Kitabi-Dada Gorgud” epics. Textbook for students of pedagogical institutes. *ADU-nun Elmi əsərləri*. 1958, no. 1. (In Azerbaijani)
41. Sultanlı Ə. “Dədə Qorqud” dastanları haqqında qeydlər. *ADU-nun Elmi əsərləri*. 1958, no. 1. (In Azerbaijani)
42. Arasli H. Kitabi-Dede Gorgud. History and problems of Azerbaijani literature. Baku, Ganjlik Publ., 1998, pp. 20–22. (In Azerbaijani)
43. Hajiev T. Kitabi-Dede Gorgud. In: History of Azerbaijan literature. In 6 volumes, vol. I. Baku, Elm Publ., 2004, pp. 398–462. (In Azerbaijani)
44. Jamshidov Sh. Geographical environment in Kitabi-Dede Gorgud. In: Kitabi-Dede Gorgud (collection of articles). Baku, Elm Publ., 1999, pp. 49–50. (In Azerbaijani)